А.А. Рябова, аспирантка кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: a-ryabova@list.ru

ДИСКУРС РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПО ТЕМАТИКЕ ИНВАЛИДНОСТИ

Статья содержит систематизацию результатов исследования дискурс-моделей текстов об инвалидности в крупных российских массовых изданиях, имеющих типологические различия по целевой аудитории, тематической направленности, периодичности. В статье отслежено, насколько широко освещается в прессе тематика инвалидности, контексты, в которых она представлена, медиаобразы людей с инвалидностью, общность и различия дискурсов. Господствующие дискурсы объединены общим термином «аблеизм», характеризующим идеологический базис, в соответствии с которым и освещается инвалидность на страницах российских изданий.

Ключевые слова: *инвалидность, дискурс, социальные проблемы, аблеизм.*

The article contains results of the research on disability discourses in national press of Russia having regard to their typological differences in reach, subjects, periodicity. In the article disability mediaimages and contexts are reflected; resemblances and differences of the discourses are shown. Dominating discourses are united under common term "the ableism" and theoretical basis of disability media coverage is defined.

Key words: *disability, discourse, social problems, ableism.*

Социальная интеграция инвалидов в России стала в последние годы одним из главных публично провозглашаемых государственных трендов социальной сферы. В 2008 г. Россия подписала Конвенцию ООН о правах инвалидов, 2009 год был объявлен в стране Годом равных возможностей, в 2010 г. были приняты важнейшие поправки к Федеральному закону «Об образовании», касающиеся права детей с инвалидностью на инклюзивное обучение в неспециализированных общеобразовательных школах. Именно продвижение этой инициативы было одним из главных направлений деятельности многих общественных организаций всероссийского масштаба, включая ВОИ, РООИ «Перспектива» и др. Негласная дискриминация лиц по признаку наличия инвалидности стала признаваемым фактом: свой первый на президентском посту Совет по социальным вопросам Дмитрий Медведев посвятил именно людям с инвалидностью (13 мая 2008 г.), и в том числе на нем обсуждались вопросы взаимоотношений инвалидов с обществом, стереотипов инвалидности и даже того, какие выражения корректно или некорректно использовать в отношении этой категории людей.

Признано на высшем уровне и значение журналистики как важнейшего инструмента социальной интеграции, имеющего возможности и, более того, прямо предназначенного для того, чтобы влиять на стереотипы массового сознания. Так 30 ноября 2009 г. в Совете Федерации ФС РФ прошел круглый стол на тему о социальной ответственности СМИ в связи с рассмотрением тематики инвалидности.

Уже сами по себе вышеперечисленные события государственного масштаба должны закономерно «наводить» СМИ на темы, связанные с инвалидностью. Но поднимать такие темы — еще не значит помогать интеграции инвалидов в общественную жизнь. Вопрос в том, КАК раскрывать данную тематику. Мы посчитали актуальным выяснить, каким образом СМИ представляют аудитории это явление — инвалидность, чем характеризуется ее медиаобраз.

Для исследования были выбраны издания, имеющие достаточно широкую аудиторию: газеты «Известия», «Комсомольская правда» — «толстушка», «Новая газета», журналы «Русский репортер» и «Русский Newsweek». Временны́е рамки изучаемого массива: январь 2008 — декабрь 2010 гг. Выбранные газеты — крупные универсальные по тематике массовые издания с разной периодичностью, что позволяет отследить «плотность» освещения данной тематики, внимание к текущим событиям. Кроме того, газеты занимают различные позиции по отношению к действующей власти и осуществляют разную политику в области отбора и подачи информации, имея немного разные аудиторные типологические характеристики. Что касается выбранных журналов, то оба они — популярные общественно-политические еженедельники, в целом сходные по принципам отбора и подачи информации, но «Русский репортер» принадлежит российскому издательскому дому «Эксперт», а «Русский Newsweek» — иностранному холдингу Axel Springer, и это предположительно должно влиять на редакционную политику, особенно в области отбора тем, связанных с социальной дискриминацией.

С целью определить степень освещенности тематики инвалидности в изданиях в исследовании использованы методы количественного и качественного контент-анализа, а для построения дискурс-моделей — метод критического дискурс-анализа.

Тексты СМИ как предмет дискурс-анализа

Рассматривая, какой медиаобраз инвалидности создают ведущие российские СМИ, в каком свете подается это явление, в каком контексте, с учетом каких аспектов и при помощи каких слов и выражений в изданиях раскрывается данная тема, мы получаем возможность выявить *дискурс-модели инвалидности, производимые*

СМИ. Говоря о формировании массового сознания как важнейшей функции средств массовой информации, мы получаем возможность понять, как действуют дискурсивные практики СМИ, конституируя действительность.

Ведущие исследователи коммуникаций Дании и Швеции Луиза Филлипс и Марианне Йоргенсен, авторы известной книги «Дискурс-анализ. Теория и метод», указывают на отсутствие в науке единого мнения относительно того, что такое дискурс и как с ним работать [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 17]. Они предлагают предварительно определять дискурс как особый способ общения и понимания окружающего мира или какого-то аспекта мира [там же, с. 18] и описывают три подхода к дискурс-анализу: теорию дискурса Лакло и Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию. Для целей нашего исследования наиболее результативным представляется использовать критический дискурс-анализ (КДА), разработанный Норманом Фэркло (Fairclough). Согласно этому подходу, дискурсивные методы представляют собой важную форму социальной практики, которая не только конституируется из окружающего мира повседневности, но и сама конституирует социальный мир, включая социальные идентичности и социальные отношения [там же, с. 109—110]. Это означает, что дискурс-модели, представленные в текстах СМИ, являются отражением социальных представлений и одновременно инструментом их формирования в массовом сознании. Критический дискурс-анализ, по сути, является конкретным лингвистическим текстовым анализом — изучением использования языка в социальном взаимодействии [там же, с. 112]. Кроме того, Фэркло учитывает идеологические эффекты дискурса: дискурс отражает отношения между социальным большинством и меньшинством, и по господству определенного дискурса можно определить, какие социальные отношения складываются в данном обществе.

Считается, что КДА строится на трех составляющих: собственно лингвистическом анализе текста, включающем элементы контент-анализа, анализе дискурсивной практики (какие дискурсы и жанры использовали журналисты при написании своих материалов, какие информационные поводы они посчитали достойными освещения и каким аспектам тематики уделили наибольшее внимание) и на анализе социальной практики (какими установками, стереотипами и представлениями руководствовались журналисты и какое влияние на массовое сознание могут иметь их тексты). Именно анализ социальной практики особенно интересен для нас в нашем исследовании. Выяснив дискурс-модели каждого из рассматриваемых изданий, мы сможем определить дискурс-строй, характерный для массовых СМИ России.

Дискурс-модели инвалидности в рассмотренных изданиях

«Известия». В выпусках ежедневной газеты «Известия» за рассматриваемый период упоминание слова «инвалид» встречается в 776 публикациях. Однако такое обилие упоминаний обманчиво и не говорит об активном освещении тематики: реально теме инвалидности посвящено всего 96 материалов, в остальных текстах слово «инвалид» либо просто употреблялось единожды, либо использовалось в другом контексте, не имеющем отношения к целям нашего исследования. Стоит сразу отметить, что за три года в многостраничном ежедневном издании это более чем скромный показатель для тематики, отражающей жизнь 10% населения России.

Если взять рассматриваемые нами 96 публикаций, то в основном это проблемные статьи и репортажи: о проблемах безбарьерной среды, об отсутствии специальных сооружений и приспособлений в городе, о дефиците условий для занятий спортом, а также медицинского обслуживания, социальных благ. По большей части публикации привязаны к новостному информационному поводу: открытие специализированного спорткомплекса, постройка лифтов для людей на колясках, а также государственные сводки, например заседание Совета по делам инвалидов при Председателе СФ ФС РФ. Материалы приурочены к датам: например стабильно «отмечается» газетой Международный день инвалидов 3 декабря.

Из этого можно сделать вывод, что тематика инвалидности интересна журналистам «Известий» постольку, поскольку она признается интересной на государственном уровне. Это хорошо укладывается в концепцию публичных арен [Хилгартнер, Боск, 1988], которая гласит, что в условиях пропускной способности изданий, естественно ограниченной количеством печатных полос, масштаб проблемы определяется количеством внимания, уделяемого ей функционерами публичных арен: политиками, судьями, журналистами, членами научных и религиозных организаций и других сообществ, принимающих активное участие в организации общественной жизни страны. И у социальной проблемы становится больше шансов попасть в поле зрения СМИ и быть представленной на страницах изданий тогда, когда эту проблему лоббируют функционеры публичных арен. К примеру, в 2009 г., объявленном в России Годом равных возможностей, в «Известиях» было 40 материалов об инвалидах — это немногим, но все-таки больше, чем 30 материалов в 2008 г. и 26 материалов в 2010 г. Причина в том, что в 2009 г. было больше поводов, спровоцированных функционерами публичных арен.

Другой вывод, следующий из анализа дискурсивной практики, заключается в том, что в тематике инвалидности журналистов интересуют именно проблемы. Иными словами, господствует дис-

курс проблемы, общественно-политический дискурс социальной незащищенности, когда люди с инвалидностью нужны для иллюстрации пробелов в социальной политике — притом пробелов медленно, но исправно восполняемых действующей властью. При этом материалы содержат описание проблемы, но практически во всех случаях не предлагают решения и не задают представителям власти вопросы о том, почему проблема существует. Максимум остроты — риторические вопросы: «Не слишком ли медленно в Москве появляются приспособления для людей с ограниченной подвижностью?»[1]. Тогда как, имея предметом своей публикации такую животрепещущую проблему, как отсутствие безбарьерной среды, журналист, являясь проводником диалога между властью и обществом, обязан был задать этот вопрос не читателям, а тем, на ком лежит ответственность за исполнение закона № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ».

Медиаобраз человека с инвалидностью при этом таков: это по определению неполноценный, ущербный, страдающий иждивенец с диагнозом-приговором, каждый день сталкивающийся с целым ворохом разнообразных проблем, которые должно решать государство. Жизнь его — ад кромешный, и любое разнообразие общения — как луч света в темном царстве: «В повязке слепого я чувствовал давящую неуверенность, — рассказал о своих ощущениях «Известиям» Александр Ржаненков. — Будто вот-вот наткнешься на что-то опасное. Представьте, каково жить с ощущением, что слепота — на всю жизнь»[2], «Почти полтора десятка лет на острове Коневец ... работает оздоровительный лагерь для детей-инвалидов. Вот и в этом году около 200 ребят вернулись с острова... **Осенью и зимой они будут жить воспоминаниями**, а летом многие из них опять поедут в свой летний дом...»[3] (выделено мной. — *А.Р.*). Это дискурс физической неполноценности, в некотором роде дискурс здоровья и болезни, взывающий к жалости и сочувствию и, возможно, даже помощи, при этом априори отрицающий жизнь с инвалидностью как полноправный способ жить, а не просто существовать и бесконечно нуждаться в помощи. У человека с пожизненной инвалидностью по зрению не может быть такого страшного и трагичного ощущения темноты, какое описывают журналисты. Просто потому, что темнота для него так же нормальна и привычна, как для зрячего человека — разноцветный мир. А несколько недель,

[1] *Бовт Г.* Со скоростью инвалида // Известия. 2008. 5 февраля. Режим доступа: http://www.izvestia.ru/comment/article3112549/

[2] *Гутова Ю.* Закрыть глаза // Известия. 2008. 4 декабря. Режим доступа: http://www.izvestia.ru/spb/article3123227/

[3] *Черкасова Е.* Остров надежды // Известия. 2008. 23 октября. Режим доступа: http://www.izvestia.ru/spb/article3121905/

проведенных в летнем лагере, — не единственное время в году, когда ребенок с инвалидностью по-настоящему живет.

В этой связи также интересна тенденция дистанцирования от самого понятия «инвалид», когда речь идет об активных, позитивных и жизнерадостных людях: «Как же не подходит слово “инвалид” этой красивой девочке!»[4]. Встречаясь с людьми, которые не соответствуют привычному для массового сознания стереотипу инвалидности, журналисты называют таких людей нетипичным исключением, при этом стереотип остается неколебимым. То же самое наблюдается в публикации под названием «Таких пар просто не бывает» — о семейной паре девушки на коляске и молодого человека без инвалидности. Дискурс героизации персонажей, живущих обыкновенной жизнью, будучи инвалидами, читается здесь уже в заголовке.

Надо сказать, такой дискурс при описании тех, кто «преодолел», стал «таким же, как все», «несмотря на...» (список распространенных клише можно продолжать), довольно характерен для СМИ. И для социальной практики он не несет ничего хорошего: такая подача материала не разрушает негативные стереотипы в отношении инвалидности в общем — напротив, она показывает «исключения» и через их «знаки отличия» акцентирует внимание на «немощности» всех остальных.

Что касается собственно лингвистического анализа текста, то он заставляет нас еще раз обратить внимание на употребление слова «инвалид». Как уже отмечалось, оно использовалось за три года в 776 публикациях. При этом 150 раз в материалах встречается выражение «человек с ограниченными возможностями» — неудобный и по сути своей бессмысленный, но привычный эвфемизм для обозначения этой категории людей. Региональная общественная организация инвалидов «Перспектива», одна из крупнейших НКО в этой области, провела исследование и по его итогам выпустила брошюру с лексическими рекомендациями «Культура общения — язык и этикет», где призвала отказаться от выражения «человек с ограниченными возможностями»: «Это выражение не раскрывает тот факт, что **возможности человека ограничиваются извне (общественными условиями)** (выделение взято из оригинала. — *А.Р.*). И, что еще хуже, «по умолчанию» многие воспринимают словосочетание «человек с ограниченными возможностями» как характеристику того, что человек ограничен сам по себе (ограничен своим «дефектом», а не обществом)»[5]. Однако в «Известиях»

[4] *Тумакова И.* Маленькую Нику учат побеждать // Известия. 2008. 5 ноября. Режим доступа: http://www.izvestia.ru/special/article3116842/

[5] Культура общения — язык и этикет. Режим доступа: http://www.perspektiva-inva.ru/index.php?id=297

от этого словосочетания не только не избавляются, но и увеличивают количество случаев его употребления: за период с 2001 по 2010 гг. это словосочетание встречается в публикациях 222 раза, из которых 150 — за рассматриваемый нами период; притом, что количество самих публикаций об инвалидности не было пропорционально меньше, за 10 лет архив газеты хранит 3200 упоминаний слова «инвалид». Идеологический эффект от такого выражения предсказуем: человеку с ограниченными возможностями отказывается «по определению» в возможности обслуживать себя, общаться, учиться, работать, любить и т.д.

Другие выражения, часто встречающиеся в публикациях «Известий» об инвалидности: «полноценная жизнь», «болезнь», «нормальная жизнь», «здоровые люди», «ущербность», «чудо», «проблема», «страдание», «недуг». Инвалидность отождествляется с болезнью, приводит к ущербности и страданиям, противопоставляется здоровью и нормальности. Это дискурс здоровья и болезни. Медиаобраз человека с инвалидностью в «Известиях» вообще не имеет позитивных черт, а сама инвалидность отрицается как способ жизни, она понимается как кошмар, который необходимо преодолеть. И такое же представление укореняется среди читателей газеты, которые даже не получают повода к размышлению: а всегда ли все так однозначно на самом деле?

«**Новая газета**». Это издание, выходящее с периодичностью два раза в неделю, тематику инвалидности освещает достаточно активно. За период 2008—2010 гг. там встречается 102 публикации. Это очерки и заметки в рубрике «Жизнь людей» раздела «Общество», проблемные статьи и репортажи рубрики «Люди/Справедливость» и разовых рубрик, а также постоянная рубрика «Нужна помощь» о людях, преимущественно детях, которым требуются деньги на срочную операцию или донорская кровь.

Дискурс проблемных материалов, затрагивающих эту тематику, — общественно-политический: люди с инвалидностью рассматриваются как частный случай дискриминируемого меньшинства и как группа лиц, лишенных государственной поддержки. На основании некоторых материалов можно даже сказать больше: кажется, что люди с инвалидностью и их проблемы используются журналистами как инструмент для критики власти. Много примеров связано с неисполнением законодательства РФ об обеспечении безбарьерной среды, с судебными нарушениями и критикой системы исполнения наказаний, указаниями на общие несовершенства социальной политики: «Две женщины опекают 60 детей-инвалидов. Государство может у них учиться»[6], «Эксперты Еврокомиссии вы-

[6] *Чернова Н.* Жизнь начинается в «Чашке чая» // Новая газета. 2008. 16 июня. Режим доступа: http://novgaz.ru/data/2008/42/14.html

ясняли, как в России чувствуют себя инвалиды. Оказалось, что не очень»[7], «Самое напряженное место в истории болезни — уровень государственной поддержки»[8], «Как и следовало ожидать, самым вожделенно недоступным для инвалидов остается в России незамысловатое приспособление под названием «пандус»[9]. Цитирование можно продолжать.

При этом стоит отметить, что газета описывает и положительные случаи взаимодействия людей с инвалидностью и государственных органов: например, в Омске прокуратура помогла инвалиду получить необходимый лекарственный препарат[10]. Или более масштабный пример: газета опубликовала ответы Министра образования Андрея Фурсенко на пять вопросов редакции об инклюзивном образовании и о судьбе школьника Кирилла Дроздкова, который не может ходить в школу из-за отсутствия там подъемника. По собственному признанию журналистов, ответов они не ожидали («случилось непредвиденное»), поэтому даже поблагодарили министра в постскриптуме за отклик[11].

Инвалиды предстают как дискриминируемое меньшинство не только в отношениях с государством, но и в обществе, начиная от отношений просто с окружающими и заканчивая конфликтами с бизнесом. Например, газета подробно освещала конфликт девушки на коляске Натальи Присецкой и крупной авиакомпании S7 Airlines: Присецкую не пустили на борт самолета из-за того, что в салоне не было мест, приспособленных для инвалидов. Наталья подала в суд и выиграла. Или, например, заслуживает внимания материал «Люди эпохи жести»: «В двух разных регионах произошли одинаковые истории: жильцы многоэтажки протестуют против сооружения пандусов для детей-инвалидов. Это диагноз»[12].

К сожалению, в газете, в целом освещающей тематику инвалидности довольно корректно по сравнению с другими российскими СМИ[13], периодически встречаются нарушения журналистской этики. Например, на инвалидность героев журналисты указывают и тогда, когда этот факт не имеет к содержанию текста никакого

---

[7] *Чернова Н.* Милосердие — это не милостыня // Новая газета. 2008. 1 декабря. Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/data/2008/89/25.html

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] *Бородянский Г.* Омск. Прокуратура помогла инвалиду получить необходимый лекарственный препарат // Новая газета. 2008. 26 марта. Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/news/248521.html

[11] *Ерошок З.* Фурсенко легок на подъемник // Новая газета. 2009. 10 июля. Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/data/2009/073/08.html

[12] *Андреева Н.* Люди эпохи жести // Новая газета. 2010. 12 июля. С. 16—17.

[13] Отметим даже терминологическую правильность: в большинстве материалов используются формулировки «люди с инвалидностью» или «инвалиды» и в очень редких случаях и только в прямой речи «люди с ограниченными возможностями».

отношения: в заметке о том, как милиционеры избили человека, уточняется, что жертвой был инвалид[14], тогда как отсутствие указания на этот факт нисколько не умалило бы чудовищности преступления. Пособие The Associated Press Stylebook, американская «Библия» для журналистов печатной прессы, выпущенная издательством AP, специально указывает на то, что не следует писать об инвалидности героев, если этот факт не имеет прямого отношения к теме материала[15].

Что касается материалов, посвященных инвалидности без какого-либо информационного повода, то стоит отметить общую корректность и объективность «Новой газеты». Не стремясь вызвать жалость и в то же время не героизируя своих персонажей, газета открыто пишет о настоящей жизни людей с инвалидностью, привлекая их самих (что очень важно) в качестве основных спикеров и даже авторов материалов. К примеру, очерк «Дауненок» — это дневник матери мальчика с синдромом Дауна, в котором она пишет: «Ах, какие ангелы... Да они такие же, как и мы, давайте дружить, купим им конфет»... Как много ложного пафоса! Как много фальши... А горькую правду чувствует только тот, кто не предал»[16]. Это, несомненно, субъективная точка зрения, и авторы не предлагают считать ее истиной в последней инстанции. Важен сам факт того, кому предоставляется слово: маме ребенка-инвалида. Здесь — ее авторитетное мнение, ее взвешенная правда. Ни один журналист, напиши он те же самые слова, не выглядел бы столь же убедительно.

Таким образом, в «Новой газете» можно выделить следующие доминирующие дискурсы: благотворительный дискурс помощи (рубрика «Нужна помощь» и спецпроекты), дискурс проблемы и социальной незащищенности, очень ярко выраженный оппозиционный дискурс. Практически нет дискурса жалости, есть тяготение к демократическому дискурсу признания инвалидов полноправными гражданами страны и членами общества.

«**Русский репортер**». Еженедельный журнал издательского дома «Эксперт» популярен у людей с высшим образованием, интересующихся социальными и политическими изменениями, настроенных скорее либерально, т.е. у довольно активной части общества.

За исследуемый период в публикациях «Русского репортера» слово «инвалид» встречается 208 раз, выражение «человек с огра-

---

[14] *Бронштейн Б.* Республика Марий Эл. Милиционеры обвиняются в избиении инвалида // Новая газета. 2010. 27 марта. Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/news/780801.html

[15] *Golstein N.* (ed.) The Associated Press Stylebook and Briefing on Media Law. Cambridge. Mass.: Perseus, 2002. P. 42.

[16] *Даровских В.* Дауненок // Новая газета. 2010. 13 января. Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/data/2010/002/19.html

ниченными возможностями» — 11 раз, один из которых — в метафоре о Вооруженных Силах Российской Федерации: «Мы военнослужащие с ограниченными возможностями. Наша армия — сплошная показуха!»[17]. Разница в количестве употребления того и другого понятия — уже показатель, настраивающий позитивно на анализ журнала. Однако парадоксально, но из всех публикаций со словом «инвалид» реально людям с инвалидностью посвящено примерно 10% (мы не принимаем в расчет встречающиеся в каждом втором номере публикации в рубрике «Нужна помощь» о сборе донорской крови или срочных денег на операцию). Это создает впечатление, что тематика представлена на страницах издания скудно.

Однако при анализе выясняется: публикации об инвалидах есть, их довольно много и в разных жанрах. Есть просветительские материалы об ипотерапии, о собаках-поводырях, о театре глухих, есть новости о победе футбольной команды инвалидов, репортажи о трансплантации костного мозга, очерки о людях с разными видами инвалидности, в рубрике «Афиша» есть анонсы фильмов по этой тематике «Я тоже» и «Лурд», а также IV Международного кинофестиваля о жизни людей с инвалидностью «Кино без барьеров». А в годовом рейтинге спортсменов журнала третье место занимает паралимпиец Ирек Зарипов[18].

Особенность в том, что героев, о которых пишут, мало где журнал называет инвалидами. Вот, например, колонка Саши Денисовой в рубрике «На полях культуры» под заголовком «Лошадь в ромашку»[19] — очерк о девочке с больной ногой, чемпионке по сидячему волейболу Паралимпиады среди юниоров. Это просто рассказ приемного папы девочки о том, как они живут, о том, что девочка Зина добилась, чтобы в школе на уроке информатики преподавали по системе «Макинтош», о ее биологических родителях — наркомане и алкоголичке. При этом девочка ни разу не охарактеризована как инвалид, просто указано, что у нее «маленькая, скрюченная ножка» и что она родилась такой, потому что биоотец «добаловался наркотиками сами видите до чего» (прямая речь папы). За отчетный период встречается еще несколько аналогичных примеров. Но еще более говорящими о позиции журналистов «РР» по отношению к инвалидности являются такие цитаты: «Ведь слепые — активные люди, которые не желают признавать себя инвалидами. Они целеустремленно ищут работу»[20], «В США особый подход,

---

[17] *Овчинников К.* Универсальный сержант // Русский репортер. 2010. № 44. Режим доступа: http://rusrep.ru/article/2010/11/10/sgt

[18] См. ежегодный спортивный рейтинг «РР» за 2010 год. Режим доступа: http://rusrep.ru/article/2010/12/14/sport/

[19] *Денисова С.* Лошадь в ромашку // Русский репортер. 2010. № 20. Режим доступа: http://rusrep.ru/2010/20/lyudi/

[20] *Сигида А.* Смеющийся в темноте // Русский репортер. 2008. № 15. Режим доступа: http://dev.rusrep.ru/2008/15/viktor_fedotov/

я его уважаю, но это немножко дико для нас. Там люди с синдромом Дауна вообще не считаются инвалидами»[21], «Конечно, есть множество индивидуальных тропинок, которые могут привести человека к бедности: леность, инвалидность, пьянство, наркомания...»[22]. Мы видим попытку дистанцироваться от понятия «инвалид». Человек деятельный, вырвавшийся из обыденности, чего-то добивающийся, по мнению журналистов, уже на инвалида не похож и это название опровергает. А инвалидность отождествляется с болезнью, нуждой, социальным дном. Такой отказ от слова «инвалид» никак не может изменить отношение к инвалидам в целом, он лишь воспитывает человечный взгляд на отдельных из них и стремится выделять тех, кто добился больше остальных. В то же время понимания инвалидности как полноценного способа жизни у журналистов нет.

Необходимо отметить, что в целом качественная работа «РР» над репортажами и очеркистикой распространяется и на интересующие нас публикации. Человеческие истории раскрыты корректно, обращения к людям тактичны, журналисты не спешат обобщать, перенося проблемы одного человека на всех остальных. Позиция их по отношению к своим героям кажется нам очень взвешенной: автор считает нужным рассказать, как человек получил инвалидность (даже если это очень интимные подробности, например, такие, как наркомания биологического отца девочки с больной ногой (см. выше)), и в то же время не вызывает у читателей снисходительной жалости к нему.

Что касается реакции издания на объявленный в России Год равных возможностей, то она очень ярко выражена в одном из материалов и не требует других подтверждений. Репортаж под заголовком «Год большого цинизма»[23] рассказывает о том, как «государственная кампания в защиту прав инвалидов превратилась для них самих в пытку». Показательные концерты и другие мероприятия, позиционируемые как «все для инвалидов», куда сгоняют несчастных, не в состоянии это вытерпеть людей, в том числе с ментальной инвалидностью (автору материала их «безумно жалко»); биллборды по всей Москве, лишний раз напоминающие людям на колясках об их особенностях, — все свидетельствует о том, что вместо реальной помощи инвалидам чиновники устроили грандиозную пиар-кампанию своей заботы о них. Дискурс по поводу государства в тексте — критический, а по поводу инвалидности —

---

[21] *Васильева М.* Просто такие люди // Русский репортер. 2010. 12 мая. Режим доступа (только в онлайн-версии): http://rusrep.ru/publicrr/2010/05/12/sindrom_dauna/

[22] От редакции. Нормальные против бедных // Русский репортер. 2009. № 5. Режим доступа: http://rusrep.ru/2009/05/bednost_editorial/

[23] *Морозец К.* Год большого цинизма // Русский репортер. 2009. № 37. Режим доступа: http://rusrep.ru/2009/37/invalidy/

воплощенный либеральный дискурс равноправия, о котором так мечтают сегодня общественные организации: инвалиды вполне самостоятельны и не нуждаются в государственных акциях. Только, к сожалению, эта мысль не всегда соответствует действительности. Российское государство находится на том этапе, когда большинству людей с инвалидностью действительно нужна помощь — не материальная, но помощь в организации труда, в исполнении законодательства РФ и т.д. Поэтому сегодня в российской прессе этот дискурс, подчеркивающий, что государство не должно вмешиваться в жизнь инвалидов, не вполне своевременен. Нельзя отрицать необходимость государственной поддержки. Только важно, чтобы она была уместной и настоящей, а не демонстративной или не по делу.

Анализ издания «Русский репортер» выявил такие дискурсы, как дискурс героизации, выражающийся в отказе от самого понятия «инвалид», критический дискурс по отношению к государству, демократический дискурс равноправия, указывающий на самостоятельность инвалидов. Несмотря на то что в целом от материалов «РР» остается положительное впечатление о качестве работы с фактами и с людьми, на изменение медиаобраза инвалидности они всерьез не влияют. Позитивным трендом остается только хорошее и человечное отношение к героям, умение разглядеть в них не инвалидов, а в первую очередь человеческие качества, индивидуальность, непохожесть их на обычные схематические «истории болезни» людей с физическими особенностями.

«**Русский Newsweek**». Поразительные результаты показал при анализе журнал «Русский Newsweek» издательского дома Axel Springer Russia. В этом еженедельнике, закрытом в 2010 г., за три года вышло только четыре статьи, где фигурировали герои с инвалидностью, и еще один фоторепортаж: «Паранормальные явления» — о победивших в Ванкувере паралимпийцах, «Дом ухода» — о первом в России детском хосписе, «Глухое место» — о появлении в Москве бара с дискотекой для неслышащих и «Право на передых» — о петербургской «службе передышки», приходящих нянях-волонтерах для детей-инвалидов, которые периодически дают мамам этих детей отдохнуть. Фоторепортаж «Порок детства» был приурочен к Всемирному дню сердца и посвящался детям с пороком сердца. На фотографиях — несчастные дети, родители, больницы. Кроме того, есть пять материалов в рубрике «Наука» о новых лекарствах и технологиях лечения/облегчения различных болезней и физических недостатков: рака, сахарного диабета, аутизма и др. А также несколько текстов о благотворительности, в том числе интервью актера Артура Смольянинова о его помощи фонду «Подари жизнь».

Таким образом, инвалидность представлена в общественно-политическом и общественном дискурсах («Глухое место», «Пара-

нормальные явления») и в дискурсе здоровья и болезни (все остальные материалы, включая рубрику «Наука»). Социальные публикации об инвалидности имели довольно важный информационный повод: призовое место паралимпийцев и открытие первого в Москве развлекательного заведения нового типа. Без подобных информационных поводов сами по себе люди с инвалидностью издание не интересуют; кроме того, в журнале никак не отмечены ни важные новости, вроде принятия законодательных поправок об инклюзивном образовании (хотя сама школьная тематика вообще-то представлена довольно широко, о введении инклюзивного образования скажут только мимоходом в материале о «службе передышки»), ни культурные события, например премьеры тех же фильмов «Я тоже» и «Лурд», о которых писал «Русский репортер».

Удивительно, что европейский издательский дом, который по ожиданиям должен поддерживать информационную политику освещения инвалидности, так скудно представляет эту тему на своих страницах.

Что касается представленных дискурсов, по столь малой выборке судить о позиции журнала по существу сложно, однако можно выявить некоторые тенденции. Во всех текстах прослеживается противопоставление «инвалид — нормальный»: «Больные этой формой аутизма не способны улавливать реакции собеседника. В остальном люди с синдромом Аспергера вполне нормальны»[24] «[инклюзивное образование]... право на учебу в обычной школе вместе с нормальными детьми»[25]. В публикации «Глухое место» центральный вопрос обсуждения — взаимоотношения неслышащих и «нормальных»: одни посетители бара говорят, что надо дружить со слышащими и «нечего прятаться в резервациях», другие «просят «нормальных» в бар не пускать, мол, это только наше место, нечего здоровым тут делать»[26]. Люди с инвалидностью здесь — частный случай инаковости, «особой» социальной группы, на этом строится и дискурс.

Понимание инвалидности у журналистов отражает и игра слов в текстах на другие темы. Скажем, № 9 за 2008 г. вышел с надписью на обложке: «Государство-инвалид» и подзаголовком: Косово — «страна» нового типа, нуждающаяся в искусственном вскармливании». Слово «инвалид» здесь толкуется как «неполноценный, нуждающийся во внешнем источнике поддержания жизнедеятельности».

«Комсомольская правда». Из всего российского архива «Комсомольской правды» за 2008—2010 гг. вместе с региональными выпусками наиболее репрезентативным будет взять для анализа все но-

[24] *Степнов А., Кармайкл М.* Игры с разумом // Русский Newsweek. 2010. № 12. С. 44—46.

[25] *Маетная Е.* Право на передых // Русский Newsweek. 2009. № 30. С. 44—47.

[26] *Шевченко Д.* Глухое место // Русский Newsweek. 2010. № 39. С.46—49.

мера пятничного выпуска «толстушки» и доступный в электронном виде архив материалов, который включает избранные публикации из всех российских регионов. Именно эта выборка отражает всероссийский масштаб газеты: пятничные номера выходят тиражом 2,8—3 млн экземпляров, а сетевая версия дает доступ отовсюду к материалам из всех регионов, а не только из того, где выходят определенные региональные выпуски.

Сразу стоит отметить, что публикации, в которых встречается слово «инвалид», в электронном архиве исчисляются тысячами. «КП» действительно дает много информации о новостях, касающихся этой категории населения: о первом Совете по делам инвалидов при Президенте РФ, о Конвенции о правах инвалидов, о льготах, об изменениях в порядке прохождения медицинского обследования и т.д.

Кроме того, в газете работает «Отдел добрых дел» — рубрика, в которой объявляется сбор денег на операцию нуждающимся в ней людям с инвалидностью. В этой рубрике, не считая новостей, тема инвалидности встречается наиболее часто. Дискурс помощи, благотворительности, дискурс здоровья и болезни, таким образом, превалируют.

А вот в «толстушку» публикации об инвалидах попадают в единичных случаях. К примеру, в Год равных возможностей не попало ни одной. В 2010 г. — три статьи и один киноанонс фильма «Лурд». При этом в газете есть подходящие для этой тематики рубрики: «Особый случай», «Портрет явления» и другие, и в них попадают социальные темы. Это говорит о том, что тематика инвалидности в этой газете проигрывает конкуренцию другим темам и поэтому не попадает в недельный дайджест.

Если рассматривать имеющиеся публикации, то в них силен дискурс героизации: это практически всегда истории людей, которые, «несмотря на» инвалидность, «преодолели» и стали «как все». При этом встречаются не просто стереотипные, а откровенно неэтичные материалы: «Наталья — удивительно мужественный человек, самоотверженная мама и супер-оптимист! **Несмотря на то что у нее нет ног**, она смогла создать семью и стать счастливой... А если еще учесть, что и муж Наташи тоже инвалид (**слава богу**, не такой тяжелый, как жена, **но все же**), хоть и работает, старательно преодолевая трудности с передвижением»[27] (выделено мной. — *А.Р.*). Безногой девушке изначально априори отказывается в праве создать семью. А та семья, которая у нее есть — муж-инвалид, тоже расценивается однозначно: не сахар.

[27] Кому сегодня нужна твоя помощь // Комсомольская правда. 2008. 25 октября. Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/24187/395127/

Инвалид зачастую отождествляется с калекой. Если не сказать жестче: «Мне радостно реклама говорит, что я урод и полный инвалид»[28] — такой заголовок встречается на сайте. Материал посвящен навязчивой телерекламе-«страшилке» лекарственных средств и косметики. Или вот рецензия кинообозревателя Стаса Тыркина на фильм «Я тоже», привлекающая читательское внимание красноречивым заголовком «Поцелуй дауна»: «На наши экраны выходит испанский хит, главную роль в котором исполнил больной психическим расстройством... Нормальная взрослая женщина Лаура ... отвечает на несмелое чувство чистосердечного, остроумного и симпатичного 34-летнего парня по имени Даниэль... Недостаток у Даниэля только один: он болен синдромом Дауна. Что, однако, не помешает Лауре предпочесть общение с ним связям со здоровыми самцами, по-своему его полюбить и даже провести с ним ночь, лишив его наконец девственности»[29]. В рецензии представлен самый недопустимый вариант дискурса — это унизительное отношение к людям с инвалидностью, выраженное без всякой заботы о политкорректности.

Также в газете встречаются публикации, где факт инвалидности героев используется для того, чтобы вызвать у читателя эмоциональную реакцию. В общем виде это публикации с оттенком скандала: например, о том, как жительница Башкирии убила мужа-инвалида, устав от него[30]. Таким образом журналисты спекулируют на инвалидности как на личной трагедии, на скандале, для того чтобы привлечь повышенное внимание читателя.

Медиаобраз человека с инвалидностью в «КП» таков: это частный случай нетипичности, жизнь таких особенных людей вызывает любопытство. Во многих текстах эта нетипичность связана с ущербностью. Материалы об их счастье и успешности сопровождаются непременной героизацией персонажей, опровергающих общий стереотип, а их неурядицы и тяжелая жизнь воспринимаются как закономерное для инвалидов явление. Большое количество неэтичных публикаций, много случаев придания публикациям оттенка скандальности, спекуляция на эмоциях — эти черты, к сожалению, присущи публикациям об инвалидности в «Комсомольской правде». Вместе с тем стоит отметить хорошо выполняемую информационную функцию газеты: здесь достаточно много тематических новостей.

---

[28] *Завгородняя Д.* Мне радостно реклама говорит, что я урод и полный инвалид // Комсомольская правда. 2008. 1 мая. Режим доступа: http://kp.ru/daily/24091.3/321608/

[29] *Тыркин С.* Поцелуй дауна // Комсомольская правда. 2010. 14 сентября. Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/24557/732971/

[30] *Любинецкая А.* Жительница Башкирии устала от мужа-инвалида и задушила его // Комсомольская правда. 2009. 18 декабря. Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/24413/586647/

Заключение

И общественно-политический дискурс, связанный с дискриминацией инвалидов и их социальной незащищенностью, и дискурс здоровья и болезни, и дискурс героизации и стремление дистанцироваться от понятия «инвалид» — все эти дискурсы рождаются представлениями, в американской социологии называемыми словом «аблеизм» (от able, соответствующего романскому корню valid — «способный, могущий», в противоположность disable — «инвалид»). Аблеизм создает общественный мета-нарратив, в котором общество воспринимает инвалидов как дефективных, «поврежденных», менее презентабельных в обществе личностей по сравнению с неинвалидами [Phillips, 1990, p. 849—857]. Аблеизм — это утверждение культуры здорового тела, которое и является признаком полноценности.

Ответ на вопрос, как трансформировать эти дискурсы и обогатить идеологию аблеизма, в опыте человечества есть. Его стоит поискать в тенденциях развития современного американского общества. Оно прошло тот этап в формировании отношения к инвалидности, который сейчас проходит наша страна, примерно 10 лет назад. У американцев была такая же проблема со словоупотреблением, организации инвалидов, в частности, боролись с расхожим тогда термином handicapped: от hand — «рука» и cap — «кепка» (примерный перевод — «попрошайка»). Также в прошлом десятилетии велась борьба против телемарафона Джерри Льюиса по сбору денег на операции людей с мышечной дистрофией, на котором объявлялось, что больные — это полулюди и стать полноценными им поможет только полное излечение. Все это уже пройденный этап для США. При этом стоит отметить, что если в России на всем протяжении истории культивировалась забота о людях с инвалидностью (в царское время — благотворительность, в советское — государственное обеспечение), то в США в XX в. были популярны идеи евгеники, приветствующие представление о неполноценности людей с физическими недостатками. В 30 американских штатах существовал закон о стерилизации людей с ментальной инвалидностью, и последний штат — Вирджиния — отменил этот закон только в 1979 г.[31] Однако сегодня на американском телевидении примерно один раз в месяц выходят передачи с участием людей с инвалидностью, кроме того, есть даже отдельный канал America's Disability Channel (KTV), где показываются фильмы и студийные шоу с участием инвалидов. Фильм Клинта Иствуда «Малышка на миллион» получил «Оскар», фильм Джеймса Кэмерона «Аватар» стал рекордсменом по сборам в мировом прокате и также номини-

[31] *Калужский М.* Homo melioratus // Сноб. 2010. Сентябрь. Режим доступа: http://www.snob.ru/magazine/entry/23407

ровался на «Оскар». Оба эти фильма затрагивают тематику инвалидности.

Общественные организации по защите прав людей с инвалидностью в США, всегда ратовали за более широкое освещение тематики инвалидности, создавали информповоды и добивались активного присутствия этой тематики в информационном поле. С одной стороны, когда журналисты посвящают свои материалы инвалидности, они сами изначально выделяют эту тематику, эту группу людей. Однако именно большое количество публикаций на эту тему, присутствие ее в повестке дня, просветительский характер материалов, производящих новые знания, а не воспроизводящих существующие представления, может помочь преодолеть аблеистское мировоззрение. Социологическое исследование Луиса Харриса показало, что среди людей, которые смотрели игровые программы и видеопрезентации об инвалидности, меньше тех, кто испытывает неудобство в общении с инвалидами в реальной жизни[32]. Исходя из описанной выше концепции Хилгартнера и Боска, расширение тематики инвалидности в газетах возможно в случае, если влиятельные социальные группы будут производить больше информационных поводов. Задача самих журналистов в процессе преодоления аблеизма — придавать своим материалам просветительский характер, уделяя в текстах больше внимания именно информации об инвалидности, а не изложению собственных эмоций или созданию эффектов, рассчитанных на эмоциональную читательскую реакцию. Скорректировать представления массового сознания об инвалидности можно с помощью такого ее медиаобраза, который позволял бы аудитории воспринимать инвалида как полноправного гражданина страны, отличающегося от других только наличием определенной физической особенности — и не более того.

Список литературы

Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ.; Под ред. А.А. Киселевой. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.

Hilgartner S., Bosk C.L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. American Journal of Sociology, 1988. Vol. 94 (1) (перевод на русский язык: *Хилгартнер С., Боск Ч.Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000).

Phillips M.J. Damaged Goods: The Oral Narratives of the Experience of Disability in American culture // Social Science & Medicine, 1990. N 30.

Поступила в редакцию
14.03.2011

[32] Harris Louis and Associates, Inc. Public Attitudes Toward People with Disabilities. National Poll Conducted for National Organization on Disability. N.Y., 1991.